

Последствия неолиберального капитализма в Восточной Европе

Поддержка посткоммунистическими левыми неолиберализма оттолкнула их электорат. Это создало новые возможности для популистов.

Примерно за последнее десятилетие эйфория, связанная с крахом коммунизма, превратилась в пессимизм с превращением некогда многообещающих демократий в неолиберализм и даже авторитаризм. Понять, почему это произошло, необходимо не только ученым, но и сторонникам демократии во всем мире.

Поскольку сегодня восточноевропейские страны богаче, чем в 1989 году, а граждане имеют доступ к продуктам и удобствам, о которых они могли только мечтать при коммунизме, на экономические проблемы часто не обращают внимания как на потенциальные причины поддержки правых популистов и отката демократических процессов. Но такие рассуждения основываются на упрощенном понимании перехода к неолиберальному капитализму, его социальных и политических последствий. Хотя Восточная Европа во многих отношениях уникальна, исследование таких последствий, проведенное учеными из этого региона, будет полезно и для тех, кто пытается понять роль неолиберального капитализма в возникновении проблем демократии в других частях современного мира.

Неочевидные оценки

Хорошей отправной точкой является книга Кристен Годзе и Митчелла Оренштейна «Подводя итоги шока». Основываясь на своей собственной работе и работе других восточноевропейских ученых, Годзе и Оренштейн ясно показывают, насколько ошибочными могут быть оценки, основанные на простых агрегированных показателях экономического роста, валового внутреннего продукта и т.д. И хотя сегодня восточноевропейские страны действительно богаче, чем в 1989 году, это повлекло за собой огромные экономические трудности и социальные потрясения:

переход к капитализму привел к «крупнейшему и наиболее продолжительному экономическому коллапсу во всех регионах в современной истории».

В более *успешных* странах Центральной Европы этот коллапс был сопоставим с коллапсом Соединенных Штатов во время Великой депрессии. В других посткоммунистических странах ситуация была хуже и длилась дольше – в некоторых случаях десятилетиями. В течение этого периода в среднем бедность увеличилась на 23 процентных пункта, а «в десяти странах, включая Польшу, уровень бедности повысился на 49 процентов или более, прежде чем начал снижаться». Годзе и Оренштейн обнаружили, что «на пике нищеты в 1999 году 45 процентов всех людей в посткоммунистических странах... жили за чертой абсолютной бедности в размере 5,5 доллара в день».

В книге «Подводя итоги шока» не только подробно рассказывается о страданиях, которые пережили посткоммунистические общества на пути к тому, чтобы стать относительно процветающими современными экономиками, но и о том, что эти страдания распределялись неравномерно. Неравенство доходов и благосостояния резко возросло, и в результате переходного периода возникли глубокие различия – между городскими и сельскими районами, образованной элитой и рабочими, старыми и молодыми.

Это было особенно неприятно, поскольку до 1989 года Восточная Европа была одним из самых равноправных регионов мира. Также Годзе и Оренштейн отмечают: «Одно дело – оказаться в глубокой нищете впервые в жизни. Совсем другое дело – оказаться в нищете, когда некоторые из людей вокруг вас пользуются ранее немыслимым уровнем личного богатства». По их мнению, это оставило «глубокие шрамы» на «коллективном сознании».

Социальные потрясения

Более того, сосредотачиваясь на относительно высоком ВВП в восточноевропейских странах, мы упускаем из виду не только травматичные экономические последствия перехода к капитализму. Как ясно показывает книга «Подводя итоги шока», огромными стали и социальные потрясения. Пожалуй, наиболее очевидное их проявление – демографический кризис исторических масштабов. После 1989 года эмиграция из Восточной Европы была «беспрецедентной по скорости, масштабам и продолжительности по сравнению с эмиграцией из других стран».

Это сопровождалось снижением рождаемости и повышением смертности. Количество убийств (и преступности в целом) резко возросло, участились пьянство, сердечные заболевания, самоубийства и другие «смерти от отчаяния», особенно среди мужчин среднего возраста, живущих за пределами больших городов. В совокупности во многих восточноевропейских странах произошло сокращение численности населения, сравнимое с сокращением в странах, участвовавших в крупных войнах, если не больше.

Несмотря на то что после Великой депрессии ВВП в США и европейских странах восстановился, все ученые того периода признают, что связанные с этим экономические трудности повлекли за собой огромные политические последствия. Конечно, в некоторых странах это спровоцировало крах демократии. Невозможно даже представить, что столь же серьезные экономические трудности наряду с радикальными социальными изменениями в населении восточноевропейских стран после 1989 года могли бы *не* привести к политическим последствиям.

Тогда почему же популисты-националисты так часто используют травматичный опыт Восточной Европы в свою пользу? Как объясняют Годзе и Оренштейн, поскольку популистов-националистов преимущественно поддерживают как раз «проигравшие» этого перехода – люди в возрасте, рабочий класс, люди с более низким уровнем образования или сельские жители – совершенно необходимо понимать их политическое поведение.

Эти избиратели стали сторонниками националистических популистских партий в регионе совсем не потому, что они более склонны голосовать за неолиберальных политиков-ксенофобов, как показали многочисленные ученые, такие как Дэвид Ост, Мария Снеговая, Анна Гжимала-Буссе, Милада Вачудова и Габор Шеринг. Скорее это произошло потому, что популисты-националисты, а не левые партии, проявили больше внимания к их экономическим проблемам.

Ярые сторонники

В годы после переходного периода большинство левых партий в Восточной Европе стали яркими сторонниками неолиберализма – даже в большей степени, чем многие их коллеги по правую сторону. Правительства при этом проводили болезненные неолиберальные реформы. Это позволило им отречься от коммунистического прошлого, в то время как неолиберальный капитализм был представлен западноевропейскими коллегами восточноевропейских

левых партий как необходимый путь к экономической модернизации – конечно, за эти реформы также выступал Европейский союз.

В результате левые партии стали ассоциироваться с неолиберализмом и вызванными им экономическими трудностями и социальными потрясениями. Вдобавок ко всему они часто отказывались позиционировать себя в качестве защитников прав рабочих и других групп, которые «проиграли» в процессе перехода к новому режиму. И в самом деле, многие левые и либеральные партии рассматривали уступки «проигравшим» как потенциальную угрозу политическому и экономическому либерализму, который они так хотели реализовать в своих обществах.

Разумеется, ирония заключается в том, что, неразрывно связывая экономический и политический либерализм и не реагируя на трудности и беспорядки, вызванные этим экономическим либерализмом, многие левые (и либеральные) партии создали возможности развития для националистов, которых не слишком занимал либерализм политический. Ученые, в том числе упомянутые выше, показали, как популисты-националисты целенаправленно завлекали тех, кто чувствовал себя «проигравшим», направляя их гнев на «иностранцев», европейских «бюрократов» и «криптокоммунистов», и принимали по крайней мере некоторые политические меры для решения их экономических проблем. В Восточной Европе более четко, чем в Западной, ученым удалось проследить, как «проигравшие» от неолиберального капитализма переходили от поддержки левых, либеральных и других партий к голосованию за популистов-националистов.

Очевидные выводы

Хотя следует избегать поверхностных сравнений, трудно не увидеть некоторые очевидные выводы в опыте Восточной Европы. Исследования переходного периода должны по крайней мере напомнить нам о том, что за общими показателями роста и развития могут скрываться огромные экономические трудности, и что социальные издержки неолиберального капитализма могут быть даже больше, чем экономические. Кроме того, политические последствия неолиберального капитализма часто неочевидны и сложны: хотя непосредственной корреляции между богатством страны и успехом популистов не наблюдается, не стоит игнорировать влияние экономических трудностей на политику.

Антидемократические политические последствия таких трудностей

не были неизбежными: это зависело от того, как на них отреагировали различные политические субъекты. То, что левые (и либеральные) партии часто не желали или не могли отреагировать на эти недовольства в парадигме либеральной демократии, дало возможность отреагировать на них другим сторонам, которым эта парадигма чужда.

Эта статья является совместной публикацией Social Europe и IPG-Journal

Шери Берман

Шери Берман (Sheri Berman) работает профессором политологии в Барнард-колледже при Колумбийском университете. Ее исследовательские интересы охватывают европейскую историю и политику, развитие демократии, популизм и фашизм, а также историю левых сил.

